

Не мнится мне, чтоб слог угрюмый мой
Мог разминуться с целию благой:
Отрадней влагой темно облако прольется —
А бело облако бесплодным остается.

*Дж. Беньян. Путь паломника
Апология автора*

ПРЕДИСЛОВИЕ

История, предлагаемая читателю, отличается от всего написанного этим пером в одном отношении. Повествование на сей раз основано на фактах, а цель его — ускорить появление реформы, которая положила бы конец злу, слишком долго существующему у нас с общего попустительства.

Нет никакого сомнения, что брачное законодательство Соединенного королевства представляет собой постыдное явление. Доклад Королевской комиссии, созданной для изучения законов о браке, содержит солидный фактический материал, который был использован мною при создании романа. К главе 20-й дано приложение, отсылающее читателя на страницы доклада, документально подтверждающие описанные в романе события, чтобы у читателя не закралось подозрения, что ему морочат голову. Хочу еще добавить, что сейчас, когда пишутся эти строки, парламент наконец зашевелился и делает попытки искоренить общественное зло, изобличению которого посвящена глава «История Эстер Детридж». Появилась надежда, что английский закон сделает наконец замужнюю женщину хозяйкой своего имущества и заработка. Но дальше этого, насколько мне известно, наши законодатели идти не собираются, и все остальные позорные пятна будут по-прежнему «украшать» брачный кодекс Великобритании и Ирландии. Королевская комиссия недвусмыслен-

но требует, чтобы правительство наконец вмешалось, но, однако, прямо не просит парламент высказать свое мнение о фактах, изложенных в ее докладе.

Что касается второй проблемы, которую я также затронул на этих страницах, а именно повального увлечения физической культурой и его влияния на здоровье и нравственный облик молодого поколения, то сознаю, что тема эта — деликатная и написанное кое у кого вызовет сильное негодование.

Хотя в этом случае я не могу отослать читателя к докладу Королевской комиссии, однако факты, подтверждающие мою точку зрения, многочисленны и лежат на поверхности. Страсть к гимнастическим упражнениям, овладевшая нацией в последнее время, пагубно сказывается на здоровье молодых англичан. Подобное мнение разделяется учеными-медиками во главе с таким авторитетом, как доктор Скей, это — факт бесспорный. Еще один бесспорный факт, подтверждающий мнение врачей (если свидетельства науки недостаточно по причине ее крайней отвлеченности), — жалобы отцов, раздающиеся во всех частях Соединенного королевства, чьи сыновья стали жертвами этого самоновейшего национального чудачества, на счету которого уже немало загубленных жизней.

Что же касается его влияния на нравственное состояние общества, то тут я могу и ошибиться, утверждая, что существует связь между увлечением физической культурой и нынешним падением нравов, ростом эгоизма и низменных склонностей среди определенных слоев населения Великобритании. Но кто станет отрицать порчу нравов в наше время? Кто не видит, что это зло приняло угрожающие размеры? Мы стали так постыдно терпимы к проявлению грубости и насилия в нашем обществе, что считаем их неизбежной принадлежностью нашей социальной системы; мы называем своих дикарей «бравыми молодцами» и считаем их типичными представителями английской нации. Из книги в книгу, на радость читателей, переходит этот дикарь в виде просоленного и обвет-

ренного моряка в широченных штанах и груботканой робе. Если бы автор этих строк уподобился сочинителям таких книг, он безусловно снискал бы расположение читателя. Но он осмелился показать чистенького дикаря, и ему придется выдержать читательские нападки — ведь публика еще не разглядела этой разновидности дикаря, а, вернее, разглядев, предпочла ее не заметить.

Чисто вымытые дикари, одетые с иголки, встречаются у нас во всех сословиях — и среди буржуа, и среди аристократов. Не буду голословным. Медицинская братия может похвастаться подвигами кучки подвыпивших эскулапов, возвращавшихся с вечеринки в одном из пригородов Лондона; их путь был отмечен осколками уличных фонарей, выбитыми окнами в домах и паникой, охватившей обывателей, живущих в этом пригороде. Наши вояки ославили себя недавно таким буйством, что для их усмирения пришлось вызвать конную гвардию. Не менее отличилось и купеческое сословие: на днях из здания биржи бранью и чуть не побоями был изгнан известный иностранный банкир, посетивший биржу по приглашению одного из старейших и уважаемых ее членов. Не хуже показали себя и носители просвещения; студенты Оксфорда выгнали криками и улюлюканьем с Акта поминовения 1869 года вице-канцлера, глав колледжей и гостей, а спустя немного эти дикари ворвались в библиотеку колледжа Крайстчерч, разбили и сожгли находившиеся там скульптуры. Все эти бесчинства — факты, все они имели место. И фактом является то, что их участники по большей части или известные спортсмены, или видные покровители спорта. Разве этого не достаточно, чтобы вылепить характер, подобный Джеффри Деламайну? Разве только воображение подсказало мне сцену в гостинице «Бутыль и затычка» в Патни? И разве не пришло время протестовать, в интересах всего цивилизованного мира, против возрождения варварства, которое провозглашает себя отцом многих добродетелей и находит достаточно глупцов, готовых поверить ему.

В заключение коснусь в двух словах стилистики нового романа: его читатель, надеюсь, почувствует, что нравоучительная нить всюду естественно вплетается в повествование. Главное условие успеха литературного произведения — органическое слияние правды и выдумки. Я приложил немало труда, чтобы добиться этого, и верю, что труд мой не пропадет зря.

У. К.
Июнь, 1870 г.

ПРОЛОГ

БРАК ПО-ИРЛАНДСКИ

Часть первая

ВИЛЛА В ХЭМПСТЕДЕ

1

Одним летним утром лет тридцать или сорок тому назад две молодые девушки горько плакали в объятиях друг друга на борту ост-индского парусника, отплывавшего из Грейвзенда¹ в Бомбей.

Девушек связывала долгая и нежная дружба. Одну звали Анна, другую Бланш. Обeim минуло восемнадцать, обе только что выпорхнули из одного пансиона. Родители девушек, люди бедные, не могли платить за их обучение, и обе, вместо платы, учили младших пансионеров. Им и дальше предстояло думать о хлебе насущном. На этом сходство кончалось. Бланш была миловидная рассудительная девушка — и только. Анна обладала редким умом и редкостной красотой. Родители Бланш, люди добропорядочные, полагали главной своей заботой будущее дочери. Родители Анны, жестокосердные и порочные по натуре, думали только о том, как выгоднее употребить себе на пользу красоту и талант дочери.

Разное будущее ожидало девушек. Бланш уезжала в Индию. Ей было обещано место гувернантки в семье судьи: жена судьи любезно согласилась взять ее под свое покровительство. Анна пока оставалась дома в ожидании okazji — дешевого переезда в Милан, где ей предстояло совершенствоваться в музыке и пении, чтобы по возвращении в Англию поступить на сцену и кормить талантом свое нищее семейство.

¹ *Грейвзед* — порт в устье Темзы.

Вот что было назначено судьбой этим девушкам, которые сидели сейчас в каюте океанского парусника и, проливая слезы, шептали друг другу слова прощания, экзальтированные и восторженные, но рвущиеся из глубины сердца, — как и подобает юным особам прекрасного пола в такие минуты.

— Бланш, ты выйдешь в Индии замуж. Обещай, что уговоришь мужа привезти тебя назад в Англию.

— Анни, вдруг тебе разонравится сцена. Дай слово, что приедешь ко мне в Индию.

— В Англии или Индии, замужем или нет, но мы непременно встретимся, какой бы долгой ни была разлука. И всегда будем любить друг друга как родные сестры, как самые верные друзья. Поклянись, Бланш!

— Клянусь, Анни!

— Клянись всей душой и сердцем!

— Клянусь всей душой и сердцем!

Ветер уже надул паруса, корабль заскользил по воде, а девушки все не могли расстаться. Позвали капитана, с твердостью в голосе и вместе ласково обратился он к Анне, обняв ее за плечи:

— Не сердитесь на старика, у меня такая же дочь. Но вам пора возвращаться на берег.

Анна припала к груди старого моряка. Он сам усадил ее в шлюпку, которая тотчас отчалила. Через пять минут корабль уже шел на всех парусах; шлюпка вернулась к причалу, последний прощальный взгляд — и Бланш с Анной расстались на долгие годы.

Эти события происходили летом одна тысяча восемьсот тридцать первого года.

2

Двадцать четыре года спустя, летом тысяча восемьсот пятьдесят пятого года, в Хэмпстеде сдавалась со всей обстановкой богатая вилла.

Хозяева виллы еще жили в ней. Однажды вечером — с него и начинается повествование — в уютной столовой

за столом сидела дама и два джентльмена. Даме было сорок два года, но черты ее лица, несмотря на немолодой уже возраст, отличались редкостной красотой. Муж был несколькими годами моложе ее, он сидел напротив, храня угрюмое молчание, и ни разу во все время обеда даже случайно не взглянул на жену. Третий за столом был гость. Хозяина звали Ванборо, гостя — Кендрю.

Обед близился к концу. Фрукты и вино были уже поданы. Мистер Ванборо молча подвинул гостю бутылки. Хозяйка дома оборотилась к вошедшему лакею.

— Позовите детей, — сказала она.

Дверь отворилась, и в комнату вошла девочка лет двенадцати, ведя за руку девочку лет пяти. Обе были одеты в хорошенькие белые платица и одинаковые голубые фартучки. Но в лицах у них вы не нашли бы сходства, какое бывает между родными сестрами. Старшая была хрупкое, изящное создание с бледным, нервическим личиком. Младшая — белокурый розанчик с пухлыми румяными щеками и живыми веселыми глазками — прелестное дитя, воплощение здоровья и счастья.

Мистер Кендрю с любопытством взглянул на младшую.

— Кто эта юная леди? — спросил он. — Я никогда прежде не видел ее в этом доме.

— Не видели, потому что и вас чуть ли не год не было видно, — ответила миссис Ванборо. — Это крошка Бланш, единственное дитя моей лучшей подруги. Последний раз мы виделись с ней — даже страшно сказать — лет двадцать назад. Мы тогда были бедные пансионерки, не знающие жизни. Бланш — подруга назвала дочь своим именем — уехала в Индию. Там через много лет вышла замуж. Вы, должно быть, слыхали о ее муже, знаменитом полковнике сэре Томасе Ланди. Да-да, тот самый Томас-богач, как его называют в вашем кругу. Леди Ланди едет в Англию, первый раз с тех пор, как покинула родину. Я ждала ее вчера, жду сегодня, она может появиться здесь с минуты на минуту. Помню, на борту парусника, что увозил ее в Индию, мы дали клятву любить друг друга и обязательно встретиться, сколько бы лет ни длилась разлука.

Милое далекое время! Вообразите, какие перемены мы найдем друг в друге, встретившись после стольких лет.

— А пока, я вижу, ваша подруга прислала вместо себя дочь, — заметил мистер Кендрю. — Далекый путь пришлось проделать маленькой путешественнице.

— Год назад врачи в один голос заявили, что климат Индии губителен для девочки, — ответила миссис Ванборо. — И предписали отправить ее в Англию. Сэр Томас сам в то время недомогал, и Бланш не могла оставить его одного. Ей пришлось отправить дочку одну с оказией. И конечно, она отправила ее ко мне. Посмотрите на девочку, мистер Кендрю, и скажите: разве не пошел ей на пользу английский воздух? Знаете, мы с Бланш повторились в дочерях. Моя дочь — единственное мое дитя. У Бланш тоже одна дочь. Мою зовут Анни, как звали когда-то меня. Дочь подруги зовут Бланш. Но самое главное, девочки полюбили друг друга, как мы когда-то с Бланш в далекие дни юности. Говорят, что ненависть передается от родителей детям. Но видно, и любовь тоже передается.

Гость хотел что-то ответить, но вмешался молчавший до сей минуты хозяин:

— Кендрю, вам, наверное, наскучили сентиментальные излияния. Выпейте лучше бокал вина.

В этих словах прозвучало нескрываемое презрение к жене. Миссис Ванборо вспыхнула, но промолчала, подавив раздражение. Потом тихо спросила мужа с явным желанием успокоить его:

— Ты сегодня плохо себя чувствуешь, дорогой?

— Я буду чувствовать себя гораздо лучше, если дети перестанут так громко стучать ножами.

Девочки срезали кожу с яблок. Младшая продолжала как ни в чем не бывало, старшая тотчас отложила нож в сторону и взглянула на мать. Миссис Ванборо подозвала к себе Бланш и махнула в сторону сада, куда вела высокая стеклянная дверь.

— Посмотри, Бланш, как хорошо в саду, — ласково сказала она. — Не хочешь ли ты взять яблоко и пойти туда?

— Хочу, если Анни пойдет со мной.

Анна встала из-за стола, и девочки, взявшись за руки, отправились в сад. Мистер Кендрю благоразумно заговорил о другом.

— Этим юным леди будет не хватать сада, — сказал он. — Жаль все-таки, что вы отказываетесь от этого прелестного уголка.

— Уехать отсюда — еще не самое страшное, — вздохнула миссис Ванборо. — Джону далеко ездить из Хэмпстеда в Лондон. И мы, конечно, съедем отсюда. Хуже то, что мы сдаем дом.

Мистер Ванборо с раздражением посмотрел на жену.

— А тебе какая забота, что дом сдается? — спросил он.

Миссис Ванборо улыбнулась, пытаясь рассеять тучи, сгустившиеся на семейном горизонте.

— Джон, милый, — мягко сказала она, — ты весь день у себя в конторе, а я весь день дома. И я волей-неволей должна говорить с людьми, которые приходят смотреть дом. Вы бы видели, что это за люди! — воскликнула она, обращаясь к мистеру Кендрю. — Они подвергают сомнению все, начиная от скребка у входной двери, кончая печной трубой на крыше. Являются в самое неподходящее время. Задают самые оскорбительные вопросы и всем своим видом дают понять, что не верят ни одному моему слову. Одна грубиянка спросила, подозрительно принявываясь: «Вы уверены, что у вас в порядке канализация?» А один нахал усомнился в прочности дома. Не дождавшись моего ответа, подпрыгнул на своих огромных ножищах, так что все стекла зазвенели. Никто не верит, что почва у нас песчаная, что фасад дома выходит на юг. Никому не нужны все наши усовершенствования. Услыхав об артезианском колодце, изображают чуть ли не водобоязнь. А увидев курятник, забывают свою любовь к омлету.

— Представьте себе, и мне пришлось испытать нечто подобное, — рассмеялся мистер Кендрю. — Человек, снимающий дом, — лютый враг того, кто этот дом сдает. Экая, право, несообразность, не правда ли, мистер Ванборо?

Но и мистеру Кендрю не удалось рассеять мрачное расположение духа хозяина.

— Должен признаться, — буркнул мистер Ванборо, — я не слышал ваших слов.

На этот раз ответ прозвучал почти грубо. Миссис Ванборо бросила на мужа удивленный и вместе обеспокоенный взгляд.

— Что с тобой, Джон? Ты не болен? — спросила она.

— Человека, кроме болезней, может угнетать и забота.

— Огорчительно слышать, что ты чем-то угнетен. Это касается твоих дел?

— Да, дел.

— Посоветуйся с мистером Кендрию.

— Жду, когда мне предоставят эту возможность.

Миссис Ванборо немедленно встала.

— Позови, дорогой, когда захотите кофе, — сказала она, проходя мимо мужа, остановилась на миг, легкой ладонью коснулась его лба и тихонько проговорила: — Если бы я могла разгладить эти морщинки.

Мистер Ванборо нетерпеливо тряхнул головой. Вздыхнув, миссис Ванборо пошла к двери. Не успела она переступить порог, как муж окликнул ее:

— Присмотри за тем, чтобы нам никто не мешал.

— Разумеется, Джон, — и, взглянув на мистера Кендрию, открывшего дверь, прибавила, через силу улыбнувшись: — Не забудьте о лютых врагах. Им все нипочем, могут явиться даже в столь поздний час.

Джентльмены остались вдвоем за бокалом вина. Внешностью и характером они разительно отличались один от другого. Мистер Ванборо был высок и темноволос; блестящий красавец с энергичным выражением лица — таким его видел свет, но только проницательному взору открывалась под внешним лоском врожденная порочность. Мистер Кендрию, напротив, был коренаст, неловок и медлителен, если ничто не побуждало к действию. Глядя на Кендрию, свет замечал только невзрачного коротышку; проницательный же взор различал под бесцветной внешностью натуру добрую и благородную, ставящую понятия чести и справедливости превыше всего.

Первым заговорил мистер Ванборо.

— Если вы когда-нибудь решитесь жениться, Кендрю, — сказал он, — не будьте так опрометчивы, как я. Не женитесь на актрисе.

— Если бы я встретил женщину, похожую на вашу жену, — возразил гость, — будь она актриса, я бы завтра на ней женился. Красавица, умница, самых высоких правил и любит вас искренне. О человек! Чего еще тебе надобно!

— Очень многое. Мне нужна жена знатного происхождения и со связями, которая могла бы принять избранное общество и дать мужу положение в свете.

— Положение в свете! — воскликнул мистер Кендрю. — Вот человек, коему отец оставил полмиллиона, при условии, что он встанет во главе одного из самых крупных торговых домов в Англии. А он мечтает о положении в свете, словно младший клерк в его конторе. Чего ему не хватает? Куда устремлены его честолюбивые помыслы?

Мистер Ванборо осушил бокал и твердо поглядел в глаза друга.

— Парламент — вот куда устремлены мои честолюбивые помыслы, — отчеканил он. — А моя вожденная цель — палата лордов. И единственное препятствие у меня на пути — красивая и добродетельная жена.

Мистер Кендрю предостерегающе поднял руку.

— Вы, верно, шутите, — проговорил он. — Я таких шуток не понимаю и не приемлю. Ежели вы говорите всерьез, то я вынужден заподозрить такое, о чем боюсь и помыслить. Так что давайте переменим разговор.

— Нет, не переменим! Я хочу наконец поставить точки над «i». Так что же вы заподозрили?

— То, что вы разлюбили вашу жену.

— Ей сорок два, мне тридцать пять, я женат на ней уже тринадцать лет. Вам это хорошо известно. И вы всего-навсего заподозрили! О святая простота! Вы, кажется, что-то еще хотите сказать?

— Раз уж вы настаиваете на продолжении разговора, то извольте, на правах старого друга я выскажусь. Вы дурно относитесь к вашей жене. Вот уже два года, как вы про-

дали дело во Франции и вернулись сюда на похороны отца. Но, кроме меня и еще двух-трех старых друзей, вы никому не представили своей жены. Ваше новое положение открыло вам двери лучших домов Лондона. Вы всюду бываете, но никуда не берете с собой жену. Вы выезжаете в свет как холостой человек. И у меня есть основания подозревать, что ваши новые знакомые вас таковым и почитают. Простите мне мою прямоту, я говорю то, что думаю. Недостойно джентльмена держать взаперти жену, точно вы стыдитесь ее.

— А я и правда ее стыжусь.

— Опомнитесь, Ванборо!

— Одну минуту! Я вас слушал, послушайте теперь вы меня. Давайте заглянем в прошлое. Тринадцать лет назад я влюбился в красавицу-актрису и женился на ней, чем прогневил моего отца. И нам пришлось поселиться за границей, где ничто не омрачало нашу жизнь. Перед смертью отец простил меня, и мы вернулись в Англию. И тут все переменялось. Передо мной открылось блестящее будущее, я принят в свете, а у меня на шее камнем висит женщина, чья родня — и вам это хорошо известно — самого низкого происхождения. Женщина, у которой недостает манер, чьи интересы не идут дальше детской, кухни, пения и ее книг. Разве может такая жена создать мужу положение в обществе? Разве под силу ей проложить ему путь в палату лордов? Клянусь Юпитером, если есть жены, которых следует держать взаперти, так это моя жена! И если уж говорить начистоту, я потому и сдаю этот дом, что не могу здесь запереть ее от общества. Моя жена обладает проклятым свойством заводить знакомства, где бы она ни поселялась. Еще немного, и она соберет вокруг себя уйму друзей, новых и старых, тех, что помнят ее оперной дивой. Они будут постоянно сталкиваться с ее отцом, мерзавцем из мерзавцев. Вечно пьяный, вечно клянчит подачку! Да, моя жена погубила мое будущее. Что толку перечислять ее добродетели! Она жернов у меня на шее, со всеми ее добродетелями. Какой же я был идиот! Ведь стоило подождать совсем немного,

и я бы женился на женщине из высшего света, которая была бы мне полезна...

Мистер Кендрю вдруг прервал хозяина, коснувшись его руки:

— На женщине вроде леди Парнелл?

Мистер Ванборо приметно вздрогнул и первый раз опустил глаза под взглядом друга.

— Что вы знаете о леди Джейн? — спросил он.

— Ровным счетом ничего. Я не принадлежу к ее кругу. Но я бываю иногда в опере. И видел вас вчера вечером у нее в ложе. Случайно до меня долетели слова моих соседей. Вас называли счастливым избранником леди Джейн, говорили, что она отличает вас среди своих многочисленных поклонников. Представьте, что будет, если эти слухи дойдут до вашей жены. Вы поступаете дурно, Ванборо. Дурно, с какой стороны ни глянь. Вы встревожили, огорчили и разочаровали меня. Видит бог, я не искал этого объяснения, но раз уж мы заговорили об этом, выскажусь со всей откровенностью. Измените свое поведение, возьмите назад все, что произнесли сейчас, иначе я перестану считать вас своим другом. Но довольно, я умолкаю. Мы оба погорячились и можем наговорить друг другу такого, о чем оба потом пожалеем. Еще раз предлагаю: переменим разговор. Вы пригласили меня посоветоваться насчет важного дела. В чем оно состоит?

Мистер Ванборо молчал. Лицо его выражало смущение. Он налил себе бокал вина, залпом осушил его. И только тогда ответил:

— Мне трудно говорить. Для меня полная неожиданность ваше отношение к моей жене.

Мистер Кендрю удивленно поднял брови:

— А что, дело касается вашей жены?

— Да.

— Она о нем знает?

— Нет.

— Вы таитесь от нее, потому что не хотите расстроить ее?

— Да.

- Имею ли я право советовать вам в этом деле?
- Да, имеете, по праву старого друга.
- Тогда почему вы не хотите объяснить мне прямо, в чем оно состоит?

На лице мистера Ванборо опять изобразилось смущение.

— Вы услышите о нем очень скоро из уст третьего лица. Сию минуту пожалует еще один гость. Он посвящен во все подробности и сумеет изложить суть лучше, чем я.

- Кто этот гость?
- Мой друг Деламейн.
- Ваш поверенный?
- Он младший партнер фирмы «Деламейн, Хопс и Деламейн». Вы его знаете?

— Да, мы знакомы. Я хорошо знал семью его жены до того, как она вышла за Деламейна. Я его недолюбливаю.

— На вас сегодня не угодишь! Деламейн — человек с будущим. Силы характера ему не занимать, так что карьера ему обеспечена. Он намерен расстаться с фирмой и вступить на адвокатское поприще. Ему предсказывают успех. Что вы имеете против него?

— Ровным счетом ничего. Порой встречаются люди, которых не любишь, и все тут.

— Любите или нет, но сегодня вечером вам придется потерпеть его общество. Он вот-вот будет здесь.

Деламейн не заставил себя ждать. Дверь отворилась, и слуга объявил:

- Мистер Деламейн.

3

Мистер Деламейн, стряпчий, мечтающий об адвокатском поприще, выглядел именно так, как и должен выглядеть человек, уверенный в своем будущем. Его жесткое, чисто выбритое лицо, серые настороженные глаза, тонкие, плотно сжатые губы — все решительно заявляло: я намерен пойти далеко, и, если вы окажетесь мне помехой, пеняйте на себя. Мистер Деламейн был всегда безукоризненно вежлив, но никто, даже близкие друзья не

слыхали от него ни одного слова, сказанного в шутку. Человек исключительных способностей, безукоризненно честный, во всяком случае по правилам чести, принятым в свете, он, однако, ни в ком не вызывал желания дружелюбно хлопнуть его по плечу. Вы никогда не попросили бы у него взаймы ни цента, но доверили бы ему миллион. Если у вас личные неурядицы, вы никогда не обратитесь к нему за сочувствием. Если же вас волнуют общественные вопросы, увидев его, вы скажете: «Вот кто мне нужен. Этот своего добьется. Стоит только взглянуть на него, и станет ясно — этот своего добьется».

— Кендю, мой старый друг. — Мистер Ванборо представил стряпчему друга. — Все, что вы имеете сказать, говорите в его присутствии. Вина хотите?

— Нет, благодарю вас.

— Вы привезли новости?

— Да.

— Письменное заключение двух юристов?

— Нет.

— Почему?

— В этом нет надобности. Если факты таковы, как они тут изложены, дело с точки зрения закона бесспорное.

С этими словами Деламайн вынул из кармана исписанный лист бумаги и положил его на стол перед собой.

— Что это? — спросил Ванборо.

— История вашей женитьбы.

Услышав эти слова, Кендю оживился и первый раз выказал интерес к разговору, смысл которого он пока не улавливал. Мистер Деламайн взглянул в его сторону и продолжал:

— История вашей женитьбы, записанная с ваших слов клерком моей конторы.

Мистер Ванборо опять начал раздражаться:

— С какой стати снова все ворошить? Ведь вы навели справки и убедились в справедливости моего заявления?

— Да, навел.

— И у вас нет ни тени сомнения в том, что я прав?